

РАЗГРОМ ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ЛЕТОМ 1914 ГОДА И ПРЕДЕЛЫ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

БОРИС ИВАНОВИЧ КОЛОНИЦКИЙ

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия
boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОДУНОВ

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия
kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>

КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ ТАРАСОВ

Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия
katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>

Аннотация. В статье рассматривается разгром здания немецкого посольства — один из самых ярких, но недостаточно осмысленных эпизодов городского насилия в условиях начала Первой мировой войны. Реконструирован ход события и проанализирована риторика, которую использовали разные люди для его оценки. Показано, что существовали серьезные опасности, ограничивающие манипулирование патриотическим дискурсом. Представители власти осознавали, что полностью контролировать патриотическое возмущение невозможно. В сложной ситуации начинающейся мировой войны протест мог оборачиваться лояльностью, а лояльность — разрушительной агрессией.

Ключевые слова: Первая мировая война, патриотическая мобилизация, городское насилие.

Для цитирования: Колоницкий Б. И., Годунов К. В., Тарасов К. А. Разгром германского посольства в Санкт-Петербурге летом 1914 года и пределы патриотической мобилизации в начале Первой мировой войны // *Universum Humanitarium*. 2026. №1. С. 80–98. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-80-98

В историографии давно ведутся дискуссии о характере патриотической мобилизации в начале Первой мировой войны и о значении так называемого «духа 1914 года». Одни исследователи рассматривают вступление в войну как момент массового патриотического подъема и общественного единения [Ferro, 1973. Р. 8]. Другие, напротив, подчеркивают распространение тревоги, страха, растерянности и подавленности [Becker, 1977. Р. 259; Verhey, 2006].

В исследованиях по российской истории этот спор также занимает важное место. О. С. Поршнева полагает, что вступление России в войну «вызвало мощный подъем патриотических настроений, охвативший все общественные слои и регионы страны» [Поршнева, 2010. С. 185]. Другие исследователи – в первую очередь В. П. Булдаков, В. Б. Аксенов – поставили под сомнение утверждения о «священном единении» российского общества, описали такие эмоции, как страх, растерянность, беспокойство [Булдаков, 2014. С. 4–22; Аксенов, 2018. С. 232–252].

Представленный выше краткий обзор историографической ситуации делает актуальным изучение различных аспектов политической мобилизации. Данная статья обращается к проблеме соотношения патриотической мобилизации и политической лояльности в российском обществе в начале Первой мировой войны. В официальной и газетной риторике массовые манифестации нередко представлялись как выражение единения общества и власти, однако подобная интерпретация не исчерпывает всей сложности уличной политики лета 1914 г. Необходимо рассмотреть, каким образом патриотическое воодушевление формировалось, направлялось и ограничивалось, какие факторы способствовали его переходу в насильственные формы коллективного действия.

В этом отношении важно рассматривать не только идеологический язык патриотизма, но и городское пространство, в котором этот язык становился практикой. Современные исследования городской истории Первой мировой войны показывают, что улица в 1914 г. была не просто фоном событий, а важнейшим пространством коммуникации и коллективного действия. Э. Кронье отмечает, что улицы европейских столиц служили местом обмена новостями, обсуждения событий с фронта, распространения слухов и выражения коллективных эмоций [Cronier, 2007]. К. Морелон, изучая Прагу эпохи Первой мировой войны, подчеркивает, что городское пространство не было лишь декорацией. Движение солдат, толпы у объявлений, проводы на вокзалах и маршруты демонстраций позволяли увидеть настроения общества, не всегда совпадавшие с официальной риторикой [Morelon, 2024. Р. 25–39].

Тем не менее М. Корнуолл, рассматривая городские демонстрации, шествия и ритуалы лояльности в Австро-Венгрии, показывает, что патриотическое поведение на улицах могло отчасти задаваться властями: движение толп по определенным маршрутам, остановки у зданий, принадлежавших органам власти, участие оркестров, исполнение гимнов, публичное прославление монарха и союзников [Корнуолл, 2020. С. 75–76]. Поэтому уличные манифестации следует рассматривать не только как признак патриотического подъема, но и как практику мобилизации, в которой соединялись официальные ожидания, городская топография и поведение толпы.

В этом отношении разгром германского посольства в Санкт-Петербурге представляет особый интерес [Румянцев, 2016; Аксенов, 2020. С. 103–108]. Он позволяет сформулировать проблему управляемости патриотическим дискурсом и определить, какую роль в развитии событий играли пресса, слухи, действия властей, маршруты городских манифестаций и символическое

значение самого объекта нападения. Анализ этого эпизода важен не только для реконструкции резонансного случая городского насилия начала войны, но и для понимания того, как современники различали допустимые и недопустимые формы патриотического поведения.

Реконструкция событий затруднена тем, что свидетельства очевидцев, полицейские документы и газетные репортажи содержали разные, даже противоречивые версии произошедшего, но именно эта противоречивость представляет исследовательский интерес. Она позволяет изучать не только сам ход погрома, но и способы его объяснения современниками: одни видели в участниках «хулиганов» и нарушителей порядка, другие — людей, движимых искренним патриотическим чувством. Анализ разгрома германского посольства помогает уточнить представление о патриотической мобилизации 1914 г. Ее следует рассматривать как нестабильное взаимодействие политической коммуникации и городского пространства.

Манифестации солидарности с Сербией в центре столицы начались вечером 12 (25) июля 1914 г., когда истек срок ультиматума, предъявленного Австро-Венгрии¹. В ожидании вечерних газет у конторы «Вечернего времени» на углу Невского проспекта и Садовой улицы собралась толпа, которая пришла в движение после получения вести о разрыве дипломатических отношений между странами. Конфликт на Балканах задевал интересы Российской империи и, как многие полагали, побуждал ее вступить за Сербию.

В последующие дни редакции газет становились основными точками мобилизации толпы. Тревожные известия, поступавшие по мере развития Июльского кризиса, привлекали большое общественное внимание, а угол Невского и Садовой, где вывешивались вечерние телеграммы, не раз становился отправной точкой шествий, сопровождавшихся просербскими и антиавстрийскими выкриками².

Маршруты этих манифестаций имели определенную логику. Обычно целью их движения было сербское посольство на Фурштатской улице. Кроме того, практически с первых дней манифестанты стремились прорваться к посольству Австро-Венгрии на Сергиевской улице (ныне улица Чайковского), чтобы перед ним выразить свой протест. Такие попытки пресекались усиленными нарядами полиции³.

Еще одной точкой притяжения манифестаций стало посольство Германии на Исаакиевской площади⁴, несмотря на то, что империя Гогенцоллернов в тот момент напрямую не участвовала в конфликте. Вероятно, здесь сказалось

¹ Патриотические манифестации в Петербурге // Колокол (Санкт-Петербург). 1914. 15 июля.

² Манифестации // Новое время (Санкт-Петербург). 1914. 14 июля; II-ий. Патриотические манифестации // Петербургский листок. 1914. 15 июля, 16 июля, 17 июля, 18 июля.

³ В австрийском посольстве // Газета-копейка (Санкт-Петербург). 1914. 14 июля; Патриотические манифестации в Петербурге // Колокол. 1914. 15 июля.

⁴ Вчерашние манифестации в Петербурге // Петербургский листок. 1914. 14 июля; Манифестация в Петербурге // Газета-копейка. 1914. 15 июля.

влияние прессы, освещавшей Июльский кризис. Многие газеты после предъявления австрийского ультиматума 10 (23) июля утверждали, что вопрос о войне и мире зависел только от Германии, которая одна способна повлиять на своего союзника и принудить его к уступкам Сербии [Котов, 2014. С. 530].

Впоследствии пристав 1-го участка Адмиралтейской части сообщал о действиях полиции в эти дни: «Эти манифестации имели сначала совершенно мирный характер. Тем не менее полиции приходилось быть все время на ногах, на улицах, на случай насильственных действий со стороны черни по отношению зданий, занимаемых посольствами воюющих с Россией государств, и торговых заведений, принадлежащих неприятельским подданным»⁵.

В ночь на 17 (30) июля толпам даже удалось прорвать цепь конных городских и с криками «Долой Германию!» добежать по Морской улице до гостиницы «Астория», расположенной напротив дипломатической миссии Германии. Конные городские с трудом сдерживали натиск толпы. Только после прибытия новых нарядов полиции толпу смогли удалить с площади⁶.

Уже следующей ночью Исаакиевская площадь поочередно подвергалась «атакам» с нескольких сторон. Первый прорыв полицейского ограждения произошел на Вознесенском проспекте. Конные городские не могли сдержать толпу, лишь направляя движение возбужденных людей к Казанской улице, куда удалось оттеснить часть манифестантов. Другая часть была остановлена дополнительными нарядами конной полиции и жандармов только у здания Государственного Совета, вблизи германского посольства. Завязалась стычка вокруг попытки отнять флаг с надписью: «Долой немцев!», лишь после долгих переговоров его удалось убрать⁷.

Неожиданно для сил правопорядка большая толпа показалась со стороны Васильевского острова и направилась по временному Дворцовому мосту в центр города. Полицейские наряды, ограждавшие посольство со стороны центральных улиц, бросились туда и едва успели рассеять манифестантов и повернуть их вспять. Вскоре выяснилось, что от Гороховой улицы к посольству спешит новая толпа в количестве около восьми тысяч человек. Конные городские галопом вернулись и не без труда преградили этой толпе дальнейший путь к германскому посольству⁸.

Таким образом, к моменту объявления Германией войны России утром 19 июля (1 августа) атмосфера вокруг немецкого дипломатического представительства уже была сильно наэлектризована. Той же ночью манифестанты предприняли несколько попыток прорваться с разных сторон на Исаакиевскую

⁵ Рапорт пристава 1 участка Петроградской столичной полиции Адмиралтейской части в канцелярию Петроградского градоначальника, делопроизводство Совещательного присутствия. 20 марта 1915 // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 18. Д. 270. Л. 49 об.

⁶ Манифестации // Речь (Санкт-Петербург). 1914. 17 июля.

⁷ Манифестации в Петербурге // День (Санкт-Петербург). 1914. 18 июля; Манифестации // Речь. 1914. 18 июля.

⁸ Манифестации в Петербурге // День. 1914. 18 июля.

площадь, которые с трудом были предотвращены полицией⁹. Патриотические манифестации продолжались в следующие дни, лишь увеличиваясь в размерах. Толпы на Невском проспекте были особенно взбудоражены 22 июля (4 августа), когда появились новости о том, что в Германии русские туристы и дипломаты подвергаются насилию, а поезд с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, возвращавшейся в Россию, не был пропущен через Берлин. Пресса осуждала «наглость германцев»¹⁰. Сообщалось, что русские дипломаты, покидавшие Германию, оскорблялись толпами. Это описывалось как «Немецкое хулиганство»¹¹.

Как и в прежние дни, местом скопления толпы стала контора «Вечернего времени» на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Начался стихийный митинг, антигерманские речи толпа встречала криками «Долой австрийцев! Долой немцев!»¹². Около девяти часов вечера возбужденные люди начали погром «немецких» торговых заведений. На углу Невского проспекта и Садовой улицы было разгромлено кафе «Рейтерн» (кафе Рейтерна), которое и манифестанты, и часть корреспондентов ошибочно считали принадлежащим «немцу»¹³. Основная часть манифестантов тем временем двинулась в сторону германского посольства, по дороге учинив разгром еще нескольких заведений с немецкими названиями¹⁴.

Здание германского посольства, к этому времени уже покинутое немецким дипломатическим персоналом, охранялось усиленными нарядами жандармов, конной и пешей полицией. Полицейский пристав, находившийся на площади, сообщал, что в его распоряжении имеется взвод жандармов, восемь конных и 20 пеших городских, при двух офицерах. Пристав при появлении толпы вывел свои силы для охраны посольства, первоначально конная полиция энергично рассеивала толпу [Румянцев, 2016. С. 70]. Но манифестанты с национальными флагами в руках всё прибывали на площадь, где вскоре собралась многотысячная толпа¹⁵.

Сил правоохранительных органов оказалось недостаточно, и полицейские, смятые толпой, отступили к посольству, не применяя оружия. Многие пришедшие на площадь

⁹ После объявления войны // День. 1914. 20 июля; А. П-ий. После объявления войны // Петербургский листок. 1914. 20 июля; У германского посольства // Газета-копейка. 1914. 20 июля.

¹⁰ Петербургский курьер. 1914. 22 июля; Голос Руси (Санкт-Петербург). 1914. 22, 23 июля.

¹¹ Немецкое хулиганство // Русское слово (Москва). 1914. 24 июля.

¹² В толпе // Вечернее время (Санкт-Петербург). 1914. 22 июля.

¹³ Разгром Германского посольства // Газета-копейка. 1914. 23 июля; Манифестации // Земщина (Санкт-Петербург). 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля; Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Н. В. Столичные заметки // Русское знамя (Санкт-Петербург). 24 июля.

¹⁴ Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Н. В. Столичные заметки // Русское знамя. 1914. 24 июля; Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля.

¹⁵ Разгром германского посольства // Речь. 1914. № 194. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля.

заранее готовились к штурму здания посольства, они имели при себе топоры, молотки, ломы, рашпили и другие инструменты¹⁶. Наличие этих инструментов у части манифестантов свидетельствует о том, что среди них было немало мастеровых. Толпа, по словам полицейского офицера, состояла преимущественно из «рабочих низшего класса и малолетних»¹⁷.

В здание посольства полетели булыжники, вывороченные из мостовой. Раздавались крики: «Надо отомстить за оскорбление, нанесенное русскому народу недопущением немцами нашей императрицы следовать в Россию и за временное задержание великого князя Константина Константиновича», «Немцы бросали камни в наше посольство еще до объявления войны!». Полицейским и жандармам удавалось сдерживать толпу в течение двадцати минут, но потом она проникла в здание¹⁸.

На крыше посольства показалось несколько десятков молодых людей с российскими национальными флагами в руках, площадь приветствовала их криками «ура». С флагштока был сорван золоченый германский орел, вместо него был водружен российский флаг. Люди, находившиеся на крыше, обвязали веревками и стали раскачивать находившиеся там медные статуи Диоскуров¹⁹. Полые внутри статуи были вскоре повержены. Одну из них даже удалось столкнуть вниз и дотащить до канала, другая зацепилась за карниз и повисла²⁰. Вид нагих фигур был нетерпим, они воспринимались многими участниками событий как символы оскорбления национального достоинства.

Погромщики проникли и во внутренние помещения здания. Из посольства торжественно, под одобряющие крики толпы, были вынесены хранившиеся там портреты членов российской императорской семьи, которые манифестанты почтительно установили на памятнике императору Николаю I. Затем толпа с пением гимна торжественно понесла эти портреты по городским улицам²¹. Подобная церемония должна была легитимировать действия погромщиков, которые тем самым представляли себя патриотами и монархистами.

Между тем начался разгром здания. Из окон на мостовую полетели мебель, куски материи, занавески, чехлы от мебели, документы, листы бумаги,

¹⁶ Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22–22а.

¹⁷ Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22.

¹⁸ Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22.

¹⁹ Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22–22а; Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Колокол. 1914. 23 июля.

²⁰ Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 24 июля; Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля.

²¹ Разгром германского посольства // Петербургский листок. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Новое время. 1914. 23 июля.

посуда, картины и предметы искусства. Оскорблениям подвергся дорогой парадный портрет Вильгельма II, германские флаги. Внизу все это поджигалось манифестантами, бросалось в костры, разведенные на площади. Здание посольства озарили языки пламени. Кто-то стал поджигать в окнах посольства занавески, клубы дыма окутали здание. Были по тревоге вызваны несколько пожарных частей, которые приступили к тушению пожара и костров на площади²². Символическое насилие приобретало явные черты карнавала.

В разгар погрома посольства на площадь прибыл на автомобиле новый градоначальник Санкт-Петербурга генерал-майор князь А. Н. Оболенский. Только что назначенный на эту важнейшую должность, он буквально накануне, 21 июля (3 августа) приехал в столицу²³. Градоначальника сопровождали полицмейстеры и дополнительные большие наряды конной полиции и жандармерии. Многотысячная толпа беспрепятственно пропустила отряд градоначальника к зданию, но решительно отказывалась разойтись. Ее удалось лишь немного оттеснить от здания посольства, бросание камней с улицы прекратилось. Полиция, введенная в здание, стала освобождать его от дебоширов, хотя их аресты в это время не проводились. Можно предположить, что погромщиков было слишком много, а сил у полиции для арестов было недостаточно²⁴.

Тем временем появились сообщения о том, что толпа манифестантов двинулась к зданию посольства Австро-Венгрии на Сергиевской улице. Значительные силы полиции были переброшены с Исаакиевской площади туда, спешно покинул площадь и градоначальник со своей свитой. Полиции во главе с градоначальником, который привел подкрепление, удалось отстоять здание австрийской миссии. Группы манифестантов оттуда вернулись на Невский проспект²⁵.

Жандармский генерал А. И. Спиридович оставил в воспоминаниях яркое описание событий, происходивших на площади в эти часы: «Было уже темно, когда я вошел в один из ресторанов и едва успел сесть, как кто-то вбежал с криком — громят немецкое посольство. Я поспешил туда. По Морской бежал народ, скакали извозчики, неслись автомобили. Громадная толпа с царским портретом впереди шла к посольству. Слышались ругательства, угрозы по адресу Германии, императора Вильгельма» [Спиридович, 2004. С. 3–4].

²² Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля.

²³ Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля. С. 3; Петербургским градоначальником назначается рязанский губернатор князь А. Н. Оболенский // Экстренное приложение к газете «Голос Руси» (Санкт-Петербург). 1914. 20 июля (2 августа); Новый градоначальник С.-Петербурга // Голос Руси. 1914. 21 июля (3 августа).

²⁴ Разгром германского посольства // Новое время. 1914. 23 июля; Разгром Германского посольства // Газета-копейка. 1914. 23 июля; Разгром здания германского посольства // Петербургский курьер. 1914. 23 июля; Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22а.

²⁵ Разгром Германского посольства // Газета-копейка. 1914. 23 июля.

Многие любопытствующие, не желавшие пропустить яркое событие, нанимали повозки и автомобили или использовали собственный транспорт, чтобы поглазеть на картину разгрома. Мы не знаем, сколько этих состоятельных зевак присоединилось к погромщикам, но наряду с ними на площадь выдвигались организованно и новые манифестанты, которые явно желали участвовать в штурме здания.

После полуночи новая тысячная толпа манифестантов, видя незначительность оставшихся полицейских сил, вновь подошла к зданию германского посольства (по сведениям «Речи», это произошло несколько позже, около часа ночи). В толпе передавались разные слухи, продолжали говорить о том, что немцы разгромили в Берлине здание русского посольства, и что в ответ на это в Петербурге разгромили здание германского посольства, в котором якобы после нашли оружие, в том числе и пулемет. Возбуждение собравшихся росло²⁶.

Манифестанты, среди которых было немало женщин, разбили два огромных окна, проникли через них в здание и учинили новый, более масштабный погром. Двери тоже были разбиты, все новые и новые группы погромщиков проникали в здание. Несколько десятков громил продолжили разрушение скульптурной композиции на крыше посольства, они уверенно орудовали специально прихваченными для этого инструментами, что, по мнению полицейского офицера, свидетельствовало о наличии какого-то плана в действиях погромщиков. В здании были разбиты оставшиеся стекла, поломаны мебель и утварь. В погребах была уничтожена коллекция редких вин, принадлежавших немецкому послу.

Полицейский пристав, не имевший достаточно сил для противостояния погромщикам, срочно вновь запросил помощи у генерала Оболенского. Лишь после возвращения около часа ночи на площадь усиленных нарядов полиции и жандармов, предводительствуемых градоначальником, начались аресты громил. Погромщики, находившиеся внутри здания, на этот раз пытались отбиваться, швыряя камни и тяжелые предметы. Полиция заняла здание и энергично рассеивала толпу, площадь была очищена, по сведениям «Речи», это произошло около трех часов ночи²⁷.

Поведение полиции, по мнению Спиридовича, не казалось соответствующим моменту: «Рядом на тротуаре стоял городской. Кругом меня все галдело. Галдела интеллигенция. А из окон посольства все летели, летели разные предметы. Раздававшиеся при этом треск и грохот вызывали ура. Чем сильнее был треск, тем громче было ура и улюлюканье. Полиция только просила не ходить на тротуар перед посольством. Эскадрон стоял наготове» [Спиридович, 2004. С. 4–5]. Интересно упоминание «интеллигенции» при описании состава толпы.

По словам Спиридовича, полиция бездействовала, но вдруг пронеслась весть, что на чердаке громилы нашли труп убитого человека. В группе начальства

²⁶ Эксцессы // День. 1914. 23 июля; Разгром германского посольства // Речь. 1914. 23 июля; Рапорт пристава 2-го участка Адмиралтейской части Санкт-Петербургскому градоначальнику, 23 июля 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 191. Л. 22а.

²⁷ Там же.

заволновались, у эскадрона жандармов послышалась команда. Публику просили расходиться, но никто не слушался стражей порядка. Появилась пожарная машина, в толпу направили струю воды, и все с хохотом стали разбегаться [Спиридович, 2004. С. 5].

Погром уже заканчивался, когда поздно ночью 22 июля (4 августа) к зданию германского посольства прибыли министр внутренних дел Н. А. Маклаков, градоначальник князь А. Н. Оболенский и представители высшей судебной власти. Вице-директору Департамента полиции К. Д. Кафафову, прибывшему на площадь вместе с Маклаковым, запомнилось, что вообще «никаких особых беспорядков не было». Он явно преуменьшал масштаб событий, говоря о «кучке молодежи», проникшей в здание. Министр внутренних дел поначалу волновался, что разгром посольства будет иметь непоправимые последствия на международном уровне. Итальянский посол, по словам мемуариста, уверил Маклакова, что «ничего особенного не произошло» и что, по его сведениям, немцы в Берлине сами разгромили российское посольство [Кафаров, 2005. С. 89]. Если верить этим свидетельствам, бездействие властей может объясняться не только нехваткой сил, но также растерянностью и нежеланием подавлять «патриотическое настроение» горожан.

Сообщение для прессы, представленное властями, должно было успокоить общественное мнение: «Произведено строжайшее расследование»²⁸. Это суждение оказалось преждевременным.

Большинство крупных газет в той или иной форме осудило — с большей или меньшей степенью искренности — разгром германского посольства. Неудивительно, что периодические издания разной ориентации объясняли действия погромщиков, используя тему «хулиганства» [Колоницкий, Годунов, Тарасов, 2024]. «Вечернее время» писало, что «интеллигентная толпа» оттеснила полицию и кидала камни в посольство. Однако на штурм здания пошли прежде всего «обычные спутники манифестаций — подростки и хулиганы»²⁹. Речь шла о допустимых границах насилия, его своеобразной стратификации: если кидание камней «интеллигентной толпой» редакция с оговорками готова была принять, то дальнейший погром посольства «подростками» и «хулиганами» не вызывал одобрения.

В другой заметке корреспондент той же газеты писал: «Мы убеждены, что эта толпа не имеет ничего общего с теми манифестантами, которые в эти последние дни проявили столько бодрых и прекрасных чувств»³⁰. «Патриотически настроенный народ не должен обращаться в толпу хулиганов», — заявляла националистическая газета «Голос Руси»³¹. И в данном случае этот термин должен был деполитизировать и криминализировать ситуацию. Основная ответственность за эксцессы возлагалась не на политические

²⁸ К разгрому германского посольства // Речь. 1914. 24 июля.

²⁹ К разгрому германского посольства // Вечернее время. 1914. 23 июля.

³⁰ К обществу // Вечернее время. 1914. 23 июля.

³¹ Прискорбное событие // Голос Руси. 1914. 23 июля (5 августа).

группы националистов и националистические издания, создавшие в предшествующие дни благоприятные условия для погрома, а на анонимных «хулиганов», на преступников и маргиналов, действия которых осуждались. Газеты стремились перенести ответственность за разгром на представителей низших слоев общества, маркированных понятием «хулиганы», ассоциирующимся с городскими окраинами.

Вместе с тем в оценке погрома существовали разные оттенки. Некоторые издания, хотя и не оправдывали действия погромщиков, но в большей степени уделяли внимание объяснению тех мотивов, которыми они руководствовались. Так, черносотенная газета «Земщина» осуждала толпы, громившие немецкие торговые заведения: «К ночи манифестации приняли необузданный вид, получив окраску хулиганства. <...> Такие „манифестации“ сулят нам впереди только анархию и не отражают глубокого, искреннего патриотического настроения. Несомненно, здесь большую роль сыграли провокаторы, эксплуатировавшие народное чувство»³². Действия людей, превративших патриотическую манифестацию в погром, осуждались, но ответственность за это возлагалась на неких провокаторов и хулиганов, использовавших благородное негодование патриотов в преступных целях.

Наряду с этим «Земщина» указывала на обстоятельства, которые якобы ставили под вопрос приверженность немецких дипломатов международному праву, что хотя и не оправдывало погром, но возлагало на представителей Германии ответственность за нагнетание атмосферы насилия в России, обвиняя их в действиях, несовместимых со статусом дипломатов. Газета писала: «По распространившимся в С.-Петербурге упорным слухам, при осмотре здания бывшего Германского посольства после разгрома его манифестантами, на чердаках и в подвале найдены сундуки, наполненные громадным количеством возмутительных прокламаций, призывающих русских рабочих к забастовкам и революции на случай мобилизации. Кроме того, обнаружен и значительный запас оружия. Эти слухи, подтверждающие давно существовавшее и высказывавшееся убеждение, что во главе недавней забастовки готовились именно в прикрытом посольскою экстерриториальностью здании считавшейся дружественною державы, несомненно имеют под собою почву»³³.

Такого рода слухи — а даже эта правая газета считала их слухами — если и не оправдывали действия погромщиков, то объясняли, рационализировали их, допускали их правдоподобность, придавая им некоторый патриотический смысл. Разгром здания якобы дал возможность поднять завесу тайны над коварными планами врага, который вел бесчестную подрывную работу против России руками своих дипломатов. В какой-то степени оправдывали погромщиков и расхожие слухи о том, что в здании германского посольства был обнаружен радиотелеграф, помещавшийся в штандарте на крыше здания [Врангель, 2001. С. 25].

³² Манифестации // Земщина (Санкт-Петербург). 1914. 23 июля.

³³ Вести и слухи // Земщина. 1914. 26 июля.

Погром германского посольства в некоторых текстах противопоставлялся патриотическим манифестациям предшествующих дней. Знаменитая манифестация 20 июля (2 августа) на Дворцовой площади рассматривались как позитивный символ единения общества и царя, а события 22 июля (4 августа) демонстрировали, какую опасность может представлять выходящий из-под контроля основных политических акторов патриотизм, основанный на ненависти к внутреннему и внешнему врагу [Аксенов, 2020. С. 109]. «Речь» отмечала, что все депутаты Государственной думы едины в своем осуждении разгрома посольства и погромов немецких торговых заведений. Корреспондент издания конституционно-демократической партии даже сочувственно цитировал националиста В. Г. Ветчинина: «Насколько первые манифестации были желательны, как выражение чувств и настроений народных масс, настолько нежелательны такие эксцессы, которые имели место вчера. Печать совершенно права, когда она осуждает подобные стихийные проявления протеста»³⁴.

В то же время некоторые современники видели явную связь между погромом и патриотическими манифестациями предшествующих дней и отчасти возлагали ответственность за происшедшее на полицию. Городской голова столицы граф И. И. Толстой записал в дневнике: «Ночью был в Петербурге безобразный скандал: толпа в несколько десятков тысяч человек смела охрану германского посольства, оставленного его жителями <...> и разгромила все здание, выбросив картины, вещи, мебель и стащив с крыши две декоративные статуи. Это последствие допускаявшихся все эти дни патриотических манифестаций, принявших несомненно хулиганский вид» [Толстой, 2010. С. 526].

Некоторые же современники вообще считали разгром посольства враждебной державы должным проявлением патриотизма. О настроениях самих погромщиков позволяет судить свидетельство писателя В. В. Розанова, который ранее с восторгом описывал патриотические манифестации. Он вспоминал, что после разгрома здания посольства, около полуночи, несколько сотен торжествующих погромщиков явилось в редакцию газеты «Новое время», известной своей антинемецкой позицией. Явившиеся доставили в редакцию «трофеи» — портреты царя и царицы из немецкой миссии. Можно предположить, что люди, громившие здание германского посольства, предполагали найти среди сотрудников консервативной газеты одобрение. По всей видимости, публикации этого издания они воспринимали как призыв к насильственным действиям. И у некоторых авторов «Нового времени» они действительно нашли если не полную поддержку, то понимание: «Народ не может вести себя, как общество; народ чувствует все непосредственное, живое, горячее; он прямее нас и лучше нас. Но он совершает иногда грубые поступки, которые отнюдь не есть гнусные (избави Боже подумать!) и хулиганские». Разгром посольства был «поступком „в затмении“, но отнюдь не на худой моральной почве и даже не на худой морально-бытовой почве». Действия погромщиков писатель считал доказательством глубинного патриотизма

³⁴ Запрещение манифестаций // Речь. 1914. 24 июля.

«прекрасных людей», ощущавших себя Миниными и Пожарскими [Розанов, 1915. С. 1, 15]. Для автора описанное им особое настроение служило доказательством глубинного и подлинного патриотизма народа, который ощутил ситуацию лучше «рафинированных интеллектуалов». Симптоматично, что Розанов решительно отказывался от определения «хулиганские» для оценки насильственных действий погромщиков.

По всей видимости, Розанов не был одинок в своем отношении к погромщикам. Есть и другие свидетельства того, что разгром посольства приветствовался частью общественного мнения. Так, во время одного представления в столичном театре на экране было показано нетронутое здание немецкого посольства — таким, каким оно было до разгрома. Картина вызвала недоумение публики, встретившей ее шиканьем и свистом. Затем ненавистное здание мигом исчезло, и на экране появилась новая картина с надписью: «То же здание после разгрома». Корреспондент «Нового времени» описал реакцию зрителей так: «Радостное „а-а-а!“ так и пошло по залу, и снимок был встречен громом рукоплесканий»³⁵. Автор заметки, похоже, и сам разделял чувства публики.

Некоторые бытовые инциденты также позволяют судить о том, что разгром посольства вызывал неоднозначную реакцию жителей столицы. В ресторане, носившем еще недавно название «Вена», в паре минут ходьбы от Исаакиевской площади, группа студентов-технологов оживленно обсуждала прошедший накануне разгром здания германского посольства. Один из студентов громко выразил негодование по поводу этого события, заявив, что в толпе участвовали исключительно «хулиганы». Замечание это вызвало негодование сидевшего за соседним столом чиновника в военной форме, оправдывавшего поступок манифестантов. Начался спор, страсти разгорелись, и в конце концов чиновник назвал студента «австрийским шпионом». Студент воспринял это как оскорбление и собирался драться, но товарищи его удержали. По требованию публики студент был удален из ресторана³⁶. Показательно использование участниками конфликта слов «хулиганы» и «шпион», а также их возмущенная реакция. Можно предположить, что симпатии посетителей ресторана были на стороне военного чиновника и, возможно, тех погромщиков, которых он оправдывал. Мы не знаем, что думали об этом служащие ресторана, но один из его поваров, 24-летний молодой человек, находился в это время под арестом за участие в разгроме посольства³⁷.

В какой степени события в столице Российской империи были уникальными?

В различных странах толпы людей предпринимали попытки атаковать дипломатические представительства враждебных стран. Не только в России чрезмерный патриотический энтузиазм бросал вызов способности государств поддерживать общественный порядок, «этнофобский „патриотизм“ наблюдался во всех воюющих странах» [Булдаков, Леонтьева, 2015.

³⁵ Патриотический спектакль в Малом театре // Новое время. 1914. 17 августа.

³⁶ Дикие выходки // День. 1914. 24 июля.

³⁷ Протокол показаний // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 188. Л. 138.

С. 282]. Читателям петербургских газет было об этом известно. В то самое время, когда в Санкт-Петербурге погромщики напали на здание немецкой миссии, в Лондоне враждебно настроенная толпа собралась у германского посольства, которое уже было покинуто дипломатами. Возбужденные жители британской столицы свистели, швыряли в здание камни и разбивали окна. Полиции стоило много трудов восстановить порядок. Неделий раньше в Германии, в Штутгарте, во время социалистических демонстраций произошли столкновения с полицией. И там ситуация обострилась ночью, положение в городе представлялось критическим. Квартал, в котором находились иностранные миссии, даже охранялся войсками. На площади перед дворцом в полицейских бросали камни³⁸. Однако ситуация в столице Российской империи все же существенно отличалась от конфликтов в столицах Англии и Вюртемберга. В Санкт-Петербурге полиции не удалось предотвратить погром дипломатической миссии, что не могло не повлиять на репутацию империи.

Разгром посольства был явно на руку германской пропаганде, которая получила лишний и весомый повод для обличения «российского варварства» — излюбленная тема немецкой пропаганды в годы Первой мировой войны. «Речь» справедливо отмечала: «Разгром помещения германского посольства в дипломатических кругах произвел крайне тяжелое впечатление». Посольство Соединенных Штатов Америки, которое после начала военных действий приняло на себя охрану германских подданных и германского имущества в России, выразило протест российскому правительству. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов официально выразил американскому поверенному свои сожаления по поводу происшествия³⁹. Он заявил, что «лично возмущен всем происшедшим, но может оправдать случившееся только тем, что по имеющимся в министерстве сведениям, немцы гораздо раньше нанесли оскорбление представителям России в Германии», и пообещал, что «в дальнейшем ничего подобного допущено не будет»⁴⁰.

Изучение разгрома германского посольства показывает, что патриотическая мобилизация в начале Первой мировой войны была не только ресурсом власти, но и источником серьезной опасности. Государство стремилось использовать патриотический подъем как доказательство единения общества перед лицом внешнего врага, однако оказалось не способно полностью контролировать формы, которые принимало это чувство.

Современный исследователь Эрик Лор справедливо заметил, что «с самого начала войны государство столкнулось с определенной дилеммой. Оно желало поощрить патриотические манифестации и выражения воинственного энтузиазма, но при этом так же необходимо было поддерживать порядок»

³⁸ Энтузиазм в Англии // Петербургский курьер. 1914. 24 июля; Антинемецкие демонстрации в Англии // Там же; Социалистическая демонстрация // Голос Руси. 1914. 17 (30) июля.

³⁹ Протест против разгрома германского посольства // Петербургский курьер. 1914. 24 июля; К разгрому германского посольства // Речь. 1914. 24 июля.

⁴⁰ Протест против погрома // Московский листок. 1914. 24 июля.

[Лор, 2012. С. 23]. В сложной ситуации начинающейся мировой войны лояльность могла оборачиваться протестом, а патриотические чувства — вызывать разрушительную агрессию.

Этот случай позволяет понять пределы и опасности манипулирования патриотическим дискурсом. Одним из ключевых механизмов радикализации стала пресса. Газеты не просто информировали о развитии Июльского кризиса, но и эмоционально интерпретировали события, формируя образ Германии как главного виновника войны и источника угрозы. Сообщения о насилии над русскими в Германии, оскорблениях дипломатов усиливали ощущение национального унижения.

В результате толпа воспринимала свои действия как возмездие, одобряемое в контексте патриотического дискурса. И после разгрома некоторые газеты рационализировали насилие, придавая ему видимость необходимости. Пересказ слухов о найденном оружии, прокламациях или средствах связи превращали погромщиков в глазах части общества не в преступников, а в людей, раскрывших вражеский заговор.

Важную роль сыграла и позиция властей. Патриотические манифестации допускались, пока они укладывались в рамки лояльного выражения чувств: шествия, гимны, флаги, демонстрация поддержки Сербии, царя и армии. Однако именно это допущение создавало пространство для дальнейшей эскалации. Власти допускали относительную свободу шествий, пытаясь при этом провести границу между «правильным» патриотизмом и недопустимым насилием. На практике эта граница оказалась неустойчивой, участники манифестаций постоянно проверяли пределы допустимого.

Общественная мобилизация развивалась как стихийный, но не полностью случайный процесс. Центрами притяжения становились редакции газет, места вывешивания телеграмм, посольства Сербии, Австро-Венгрии и Германии. Толпа двигалась по городу, ориентируясь на символические точки конфликта. Поэтому насилие оказалось направлено именно на германское посольство. Оно воспринималось не просто как здание дипломатической миссии, а как зримый символ врага в центре столицы. Разрушение здания, сбрасывание германского орла и статуй Диоскуров, установка российского флага и уничтожение портретов превращали погром в политический ритуал. Толпа очищала городское пространство от знаков врага и одновременно демонстрировала верность России и монархии.

Исследование антинемецкого погрома позволяет уточнить подход к изучению патриотической мобилизации в 1914 г. Важно учитывать механизмы, через которые патриотическое чувство превращалось в действие, взаимодействие официальных ожиданий лояльности, газетной риторики, слухов, эмоциональных реакций горожан, социального состава толпы и символической топографии столицы. Особое значение имел вопрос контроля. Власть могла поощрять патриотические манифестации, но не могла заранее определить их содержание, маршруты и пределы допустимого действия. Именно поэтому изучение подобных эпизодов позволяет увидеть не только степень поддержки войны, но и внутреннюю неустойчивость лояльности государству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Врангель Н. Н. Дни скорби: Дневник 1914–1915 гг. / сост. и комм. А. А. Мурашева. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2001. 319 с.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. 399 с.

Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 79–95.

Реден Н. Сквозь ад русской революции: воспоминания гардемарина, 1914–1919 / [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2006. 287 с.

Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Петроград, 1915. 236 с.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 719 с.

Толстой И. И. Дневник: в 2 т. Т. II. 1910–1916 гг. / [сост. Б. В. Ананьич]. СПб.: Лики России, 2010. 950 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В. Б. «Патриотизм-1914»: от историографических противоречий к поиску психологической структуры // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 232–252. DOI 10.31754/2409-6105-2018-3

Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

Булдаков В. П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 4–22.

Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.

Колоницкий Б. И., Годунов К. В., Тарасов К. А. Революция или хулиганство? Уличное насилие в Петербурге в июле 1914 года в интерпретациях современников // Новое литературное обозрение. 2024. № 5 (189). С. 154–169.

Корнуолл М. Гражданский патриотизм и боевой дух в Австро-Венгрии военного времени: методы оценки // Культуры патриотизма в период Первой мировой войны / под ред. К. А. Тарасова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 69–92.

Котов Б. С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 710 с.

Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.

Румянцев А. Г. Разгром германского посольства в июле 1914 года — мифы и реальность // Петербургские военно-исторические чтения: межвузовская научная конференция (20 марта 2015 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. А. Б. Николаев. СПб.: РГТУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 67–77.

Becker J.-J. 1914: comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977. 641 p.

Cronier E. The Street // Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919. Vol. 2: A Cultural History / ed. by J. Winter, J.-L. Robert. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 57–104.

Ferro M. The Great War, 1914–1918. London, 1973. 267 p.

Morelon C. Streetscapes of War and Revolution: Prague, 1914–1920. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 340 p.

Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 284 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КОЛОНИЦКИЙ БОРИС ИВАНОВИЧ, доктор исторических наук, профессор, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>, Scopus Author ID: 25625139000, WoS ResearcherID: E-7279-2015, SPIN-код автора: 6397-3997.

ГОДУНОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ, кандидат исторических наук, исследователь Европейского университета в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Россия, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>, SPIN-код автора: 1424-0263.

ТАРАСОВ КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>, SPIN-код автора: 8023-3312.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

THE DESTRUCTION OF THE GERMAN EMBASSY IN SAINT PETERSBURG IN THE SUMMER OF 1914 AND THE LIMITS OF PATRIOTIC MOBILIZATION AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

BORIS I. KOLONITSKII

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>

KONSTANTIN V. GODUNOV

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>

KONSTANTIN A. TARASOV

Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia

katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>

Abstract. The article examines the destruction of the German Embassy building, a notably conspicuous yet understudied episode of urban violence at the outset of the First World War. It reconstructs the sequence of events and analyzes the rhetoric employed by various contemporary actors to interpret and assess the incident. The findings demonstrate that significant risks constrained attempts to manipulate patriotic discourse, as authorities recognized that patriotic outrage could not be entirely controlled. Within the complex context of the nascent global conflict, protest could evolve into expressions of loyalty, while displays of loyalty had the potential to transform into destructive acts of aggression.

Keywords: First World War, patriotic mobilization, urban violence.

For citation: Kolonitskii B. I., Godunov K. V., Tarasov K. A. The Destruction of the German Embassy in Saint Petersburg in the Summer of 1914 and the Limits of Patriotic Mobilization at the Beginning of the First World War. *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 80–98. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-80-98

REFERENCES

Aksenov V. B. «Patriotizm-1914»: ot istoriograficheskikh protivorechii k poisku psikhologicheskoi struktury [“Patriotism-1914”: From Historiographical Controversy to the Search for a Psychological Structure]. *Historical Expertise*, 2018, no. 3, pp. 232–252. (In Russ.). DOI: 10.31754/2409-6105-2018-3

Aksenov V. B. Slukhi, obrazy, emotsii: massovye nastroyeniya rossiyan v gody voiny i revolyutsii, 1914–1918 [Rumors, Images, Emotions: Mass Moods of Russians during the War and Revolution, 1914–1918]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 992 p. (In Russ.).

Becker J.-J. 1914: comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977, 641 p.

Buldakov V. P. Avgust 1914-go: priroda «patrioticheskikh» nastroenii [August 1914: The Nature of “Patriotic” Tempers]. *Vestnik of Tver State University. Series: History*, 2014, no. 4, pp. 4–22. (In Russ.).

Buldakov V. P., Leont'eva T. G. Voina, porodivshaya revolyutsiyu: Rossiya, 1914–1917 gg. [The War That Spawned the Revolution: Russia, 1914–1917]. Moscow, Novyi khronograf, 2015, 720 p. (In Russ.).

Cornwall M. Grazhdanskii patriotizm i boevoi dukh v Avstro-Vengrii voennogo vremeni: metody otsenki [Civil Patriotism and Morale in Wartime Austria-Hungary: Methods of Assessment]. In: *Kul'tury patriotizma v period Pervoi mirovoi voiny* [Cultures of Patriotism during the First World War] / ed. K. A. Tarasov. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 69–92. (In Russ.).

Cronier E. The Street. In: *Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919. Vol. 2: A Cultural History* / ed. by J. Winter, J.-L. Robert. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2007, pp. 57–104.

Ferro M. The Great War, 1914–1918. London, 1973, 267 p.

Kolonitskiy B. I., Godunov K. V., Tarasov K. A. Revolyutsiya ili khuliganstvo? Ulichnoe nasilie v Peterburge v iyule 1914 goda v interpretatsiyakh sovremennikov [Revolution or Hooliganism? Contemporaries' Interpretations of St. Petersburg Street Violence in July 1914]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 5 (189), pp. 154–169. (In Russ.).

Kotov B. S. Obrazy Germanii i Avstro-Vengrii v rossiiskoi presse nakanune Pervoi mirovoi voiny. 1912–1914 gg. [Images of Germany and Austria-Hungary in the Russian Press on the Eve of the First World War. 1912–1914]. Diss. Cand. Hist. Sci. Moscow, 2014, 710 p. (In Russ.).

Lor E. Russkii natsionalizm i Rossiiskaya imperiya: kompaniya protiv «vrazheskikh poddannyykh» v gody Pervoi mirovoi voiny [Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 304 p. (In Russ.).

Morelon C. Streetscapes of War and Revolution: Prague, 1914–1920. Cambridge, Cambridge University Press, 2024, 340 p.

Porshneva O. S. «Nastroenie 1914 goda» v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii [“The Mood of 1914” in Russia as a Historic and Historiographic Phenomenon]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2010, no. 2, pp. 185–199. (In Russ.).

Rumyantsev A. G. Razгром германского посольства в июле 1914 года – мифы и реальность [The Destruction of the German Embassy in July 1914 – Myths and Reality]. *Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya: mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya* (20 marta 2015 g.) [St. Petersburg Military-Historical Readings: Interuniversity Scientific Conference (March 20, 2015)] / ed. A. B. Nikolaev. St. Petersburg, RGGU im. A. I. Gertsena, 2016, pp. 67–77. (In Russ.).

Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, 284 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BORIS I. KOLONITSKII, Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the European University at St. Petersburg, Leading Research Fellow at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, boris_i_kol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9862-170X>, Scopus Author ID: 25625139000, WoS ResearcherID: E-7279-2015, SPIN-code: 6397-3997.

KONSTANTIN V. GODUNOV, Candidate of Sciences (History), Researcher of the European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, kostyagodunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1253-3886>, SPIN-code: 1424-0263.

KONSTANTIN A. TARASOV, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, St. Petersburg, Russia, katarasov1917@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8350-8170>, SPIN-code: 8023-3312.

The article was submitted on 30.04.2026; approved after reviewing on 22.05.2026; accepted for publication on 25.05.2026.